

Григорий Померанц

Петя принимает парад

Кажется, что смотреть на эту всеобщую дурость скучно. Главный герой, инспектор Петя, тоже вводится в действие как-то по-дурацки: он бредет, куда не следует, его ловят, ведут ..., а потом по-дружески начинают болтать с ним. Я долго не мог понять, почему люди втягиваются в его детскую игру, почему инженер, многое понимающий, сдержанно напоминающий своим подчиненным об осторожности, извиняется, что не заполнил путевой лист, а на дочь рассердился и выгнал из машины: пусть подумает, кто здесь идиот.

И в самом деле, кто здесь идиот? Или вернее, кто здесь не идиот, не стал идиотом, не стал марионеткой, управляемой по веревочке. Советские граждане, избирая депутата Верховного Совета, слушаются знака из президиума, как заключенные по команде ложатся носом в снег. И хотя мы только что видели начальника лагеря, его супругу и ее сослуживца–любовника в частной сцене (напоминающей комедию дель арте), знак из президиума стирает лица; Тарталья, Коломбина и Арлекин тотчас становятся простыми советскими людьми. А едва официальная часть кончилась, Тарталья (начальник лагеря) опять ревнует Коломбину, Коломбина берет «на слабо» хирурга, застывшего в ожидании смерти (где-то в Москве идет процесс убийц в белых халатах). И вдруг хирург взлетает над страхом и наставляет рога Тарталье, способного раздавить его.

Но это уже кульминация трагикомедии, и образы, созданные Гоцци, начинают резонировать с советской жизнью и накануне похорон Сталина одуроченная толпа отступает на задний план, а на первом плане маски на мгновение оживают, когда инструктор Петя прикасается к ним своим волшебным жезлом. И я с нетерпением жду следующей сцены, когда советская скука, доведенная до гротеска, превращается в волшебную сказку об инструкторе Пете.

«Ребенок, непризнанный гений среди будничных, серых людей», – писал об этом Волошин. Долговязый ребенок с умом, остановившимся на девятом или десятом году, но живой ребенок, оживляющий своим отношением все, к чему прикоснется, даже дурацкое строительство и дурацкий мавзолей из снежных глыб, откуда он со своим жезлом инспектора приветствует колонну заключенных. Ребенок, сохранивший детское чувство игры, связанной с чем-то неосознанно высшим, – может быть, не менее чем обряды взрослых.

Люди рождаются на свет с памятью о целостной жизни, тянущей к игре–обряду, а потом теряют радость игры, и Петя их радует напоминанием о них самих, об их детской подлинности, давно потерянной в чередовании советской скуки с советским страхом. И простые люди радуются Пете, как напоминанию об их собственной искорке живой жизни. А все прочие как-то выстраиваются в «социальную структуру» по тому, как они относятся к инструктору Пете.

Неколебимы только главные идиоты; мерзавцы–начальники: начальник лагеря, начальник конвоя. Петя их глубоко раздражает. Сложнее поведение скучающей супруги Мерзавца. Когда Петя приходит к ней на прием с обожженной рукой, она забывает об опасной игре с Хирургом и с материнской нежностью перевязывает обожженную руку. Наконец, с Петей вступает в детскую игру Инженер, начальник строительства, совершенно открывающий душу только за фортепьяно.

И вдруг сюжет неожиданно меняется. В танец комических масок врывается смерть. Бегут двое заключенных, и случайная пуля попадает в Петю. И за этим убитым ребенком передо мной встали тени миллионов убитых. Я не навязываю всем свои ассоциации, но не хочу и скрывать их. За местным Мерзавцем, хозяином местной своры палачей, встают тысячи таких же идиотов – и тот, кто их растил. И я вижу его за мерзостью слуг, и не нужно портретного сходства: у них ведь не было лиц, и след, оставленный ими в истории, смывает время. И гнев сливается с горечью сатиры.